

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакторъ-издатель Р. С. ЛЯХНИЦКІЙ.

№ 97 (1820).

Ревель. Вторникъ, 4 мая 1926 г.

VII годъ изданія.

Dii Majores.

Недавно я писал то, что думал о русских беллетристах, моих современниках. Но въ самомъ началѣ нашего тяжкаго столѣтія еще бросали свои послѣдніе лучи такія звѣзды, какъ Чеховъ и Толстой.

Въ тѣ дни ихъ обаяніе казалось такъ велико, что для начинающаго писателя—даже и послѣ личнаго знакомства—было очень трудно разбраться въ характерахъ этихъ двухъ огромныхъ художниковъ.

Теперь многое видишь и понимаешь.

И для меня несомнѣнно, что такъ называемые толстовцы только сбивали съ толку слушателей, когда рассказывали о своемъ учителѣ.

Я попалъ въ Ясную въ сентябрѣ 1903 года, попалъ случайно, но очень удачно: не было гостей, и самъ Толстой, узнавъ, что я служу въ военно-морскомъ судѣ, засыпалъ меня вопросами о такъ называемыхъ сектантскихъ дѣлахъ, которыхъ за всю мою службу было всего два или три.

Онъ востергался людьми, для которыхъ дороже всего была заповѣдь „Не убій“. Затѣмъ перешелъ на тему о смертной казни и говорилъ о ней съ великимъ, почти физическимъ отвращеніемъ. Я же не могъ ему ничего сообщить, ибо съ 1897 года и по 1903 въ севастопольскомъ военно-морскомъ судѣ ни одного такого дѣла не было. И когда я процитировалъ Толстому слова нашего предсѣдателя, генерала Глинка: „Неповинна моя рука въ подписаніи ни одного смертнаго приговора“, то все лицо Льва Николаевича просіяло, и онъ произнесъ:

— Должно быть, хорошій человекъ вашъ генералъ.

— Да, чудесный—подтвердилъ я.

— А все-таки не нужно служить въ судѣ, и если можно — уходите...

Я съ этимъ никакъ не могъ согласиться и доказывалъ, что чѣмъ больше будетъ культурныхъ людей среди власть

имущихъ, тѣмъ легче будетъ жить всему государству...

— Это только такъ кажется... Но никогда цѣль не оправдываетъ средства...

Переспорить его мнѣ было не под силу, да и не за этимъ я хотѣлъ его видѣть.

Отъ заповѣди „Не убій“ мы перешли на разговоръ о другой — „Не прелюбн сотвори“.

Толстой былъ увѣренъ, что чѣмъ выше слой общества, тѣмъ оно развратнѣе, и доказывалъ, что среди крестьянства нравы гораздо чище. Говорилъ онъ также, что женщина по своему существу менѣе чувствительна, чѣмъ мужчина. И съ этимъ я тоже не могъ согласиться, но, чтобы не терять времени, не возражалъ...

А великій старикъ увлекся, на полминуты задумался и заговорилъ еще убѣжденнѣе:

— Вотъ недавно я ездѣлъ довольно большую прогулку пѣшкомъ и очень утомился... Ехалъ мимо знакомый молодой мужикъ, я допросилъ его подвезти меня. По дорогѣ разговоривали о человѣческихъ слабостяхъ и когда заговорили о полевой страсти, то крестьянинъ сказалъ: „Подъ рабочую пору намъ и мысли объ этомъ не приходятъ... Отъ зари до зари — въ полѣ... Ляжешь врозь жены да и заснешь, какъ убитый... Это все отъ бездѣлья бываетъ“...

Толстой поднималъ указательный палецъ правой руки и произнесъ:

— И совершенно вѣрно — отъ бездѣлья. Я своей молодости безъ ужаса и безъ отвращенія и вспомнить не могу...

Вечеромъ, уже передъ самымъ моимъ отъѣздомъ на балкенъ мы снова затронули эту тему. И я пожаловался, что, любя свою очень красивую жену, не могу иногда не увлекаться и другими женщинами. Толстой выслушалъ, и какъ будто грустнѣе стали его глаза, затѣмъ онъ провелъ своей старческой сухой ладонью по моей рукѣ и произнесъ:

— Я самъ до 55 лѣтъ не могъ отъ этого отдѣлаться...

И мнѣ послышалось: Homo sum, et nihil humanum mihi alienum est...

Если бы великій старикъ вмѣсто скандала да прочелъ мнѣ длинную нотацию, впечатлѣніе получилось бы гораздо менѣе сильное...

Въ эти моменты я понималъ, какъ глупъ или до чего не понимаю Толстого тѣ, которые считаютъ, что онъ навѣялъ кому-то свою мораль.

Его религиозно-философскія идеи казались ему очень хорошими, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти идеи представлялись Толстому недостижимыми и для него самого.

Не сомнѣваюсь въ этомъ и сейчасъ.

А всѣ Сергѣенки, Чертковы и многіе другіе рисовали Толстого чуть ли ни считающимъ себя непогрѣшимымъ и сбивали съ толку читающую публику.

Утромъ въ этотъ день я завтракалъ въ Ясной. Кушанья были вегетарианскія, но для неприемлющихъ этого ученія была на другомъ столѣ и жареная телятина, и графиня Софія Андреевна предложила и мнѣ мяса, брали его, если не ошибаюсь, и Оболенскіе...

А Левъ Николаевичъ ѣлъ кашу по-стариковски, шевелилъ нижней челюстью и ни одного слова не произнесъ по поводу питающихся мясомъ...

Послѣ завтрака, уже въ саду Толстой спросилъ меня, знакомъ ли я съ Арцыбашевымъ, тогда, какъ и я, едва выпустившимъ первую книжку рассказовъ. Услышавъ, что я хорошо знаю Арцыбашева, онъ спросилъ, какой изъ рассказовъ этого автора мнѣ нравится больше другихъ.

— „Смерть Ланде“ — отвѣтилъ я.

— Да, да... Прекрасный рассказъ, но „Крѣвь“ лучше...

И, къ моему удивленію, Левъ Николаевичъ процитировалъ наизусть нѣсколько строкъ изъ этой вещицы...

Но я былъ совершенно потрясенъ, когда онъ затѣмъ процитировалъ нѣсколько строкъ изъ моего рассказа „Не выдержалъ“ (о небѣгѣ матроса).

И только черезъ много времени я сообразилъ, что Толстой запомнилъ кусочки изъ этихъ рассказовъ совсемъ не

потому, что они особенно художественны, а оттого, что мощиость памяти у великаго старика была дѣйствительно необычайна — имя автора онъ могъ забыть, но не строки, сдѣлавшія на него впечатлѣніе...

Чуть ли не весь „Кругъ чтенія“ онъ зналъ наизусть...

Чехова Толстой сравнилъ съ маленькимъ Пушкинымъ:

— У него, какъ и у Пушкина, каждый можетъ найти откликъ на свое переживание...

Но когда разговоръ коснулся пьесъ Чехова, то сидѣвшій въ креслѣ Левъ Николаевичъ развелъ руками и произнесъ:

— Онъ — не драматургъ... И я удивляюсь, что публика находитъ въ этихъ пьесахъ...

Обожавшій Чехова и Художественный Театръ я былъ удивленъ, но все-таки рѣшился спросить:

— Да можетъ быть, Левъ Николаевичъ, вы не видѣли ихъ на сценѣ?

— Какъ не видѣлъ... Былъ на генеральной репетиціи „Дяди Вани“ и не досидѣлъ...

Послѣ отъѣзда изъ Ясной, уже въ вагонѣ, я хотѣлъ сдѣлать выводы изъ всего слышаннаго изъ устъ великаго старика. Хотѣлось быть объективнымъ и не могъ, и только теперь, черезъ 23 года, я пришелъ къ такимъ заключеніямъ:

1) Толстой никогда не считалъ, что истины, имъ признаваемыя, непогрѣшимы.

2) Часто бывалъ очень недоволенъ самимъ собой.

3) Сверхъ мѣры идеализировалъ женщину.

4) Не любилъ естественныхъ наукъ, ибо законы ихъ абсолютны, и часто сердился на медицину...

5) Также непомѣрно идеализировалъ онъ и чистоту крестьянской жизни.

6) На театр и драматургію смотрѣлъ особенно — мнѣ непонятно.

7) Больше всего ненавидѣлъ: насилие, убійство и терроръ.

8) Противился злу предлагалъ при помощи добра, отрицая въ корнѣ: „око за око“...

9) Въ Бога вѣрилъ и о загробной жизни подозрѣвалъ, но это у него было такъ интимно, что даже въ своихъ сочиненіяхъ онъ умалчалъ о личныхъ переживанияхъ въ этой сферѣ...

10) Далеко не такъ повиненъ въ „развращеніи общества“, какъ повинны нѣкоторые другіе, ибо Толстой никогда не говорилъ, что „цѣль оправдываетъ средства“.

И только одно осталось и остается непонятнымъ для меня въ Толстомъ: какъ этотъ могучій поэтъ Россіи, какъ онъ могъ разочароваться въ необъятной поэзіи православія.

Вѣдь это онъ описывалъ, какъ исповѣдывался и приобщался Левинъ... Вѣдь это онъ далъ удивительнѣйшую картину таинства брака, рисуя вѣнчаніе Левина и Кити. И посейчасъ каждый нескверканный человекъ не можетъ читать этихъ строкъ, не испытывая сладостнаго волненія.

Думается, что Толстой отошелъ отъ православія, но не православіе отъ него...

Вѣдь когда выросла его душевная драма, то не пошелъ же онъ искать утѣшенія ни къ марксистамъ ни къ социалистамъ, а поѣхалъ въ Олтину пустынь...

Вѣдь это онъ до послѣднихъ дней носилъ на шеѣ, какъ ладенку, крохотную книжку, въ которой были записаны его любимыя молитвы...

Рационализмъ ничего ему не объяснилъ и не утѣшилъ его ни въ вопросахъ жизни ни въ вопросахъ о смерти.

Много лѣтъ прошло со дня его смерти, и много книгъ и статей пришлось прочесть объ этомъ великомъ человѣкѣ, но только въ одной я увидѣлъ и почувствовалъ объективную истину—въ книгѣ: „Илья Львовичъ Толстой. Мои воспоминанія“, изданной въ Берлинѣ...

Этотъ сынъ, несомнѣнно, больше всѣхъ другихъ унаследовалъ отъ отца умѣніе рисовать портреты человѣческіе... И тотъ, кто захочетъ совершенно точно и ясно представить себѣ Льва Толстого и его личную жизнь, только здѣсь и найдетъ правду...

А Чертковы, Сергѣенки, Бирюковы и прочіе „ислѣдователи“ такъ затушевывали черты чудснаго писателя, что за ихъ штриховкой нельзя разобрать ни лица ни фигуры...

Въ книгѣ Ильи Толстого—254 страницы, и цитировать ее въ газетной статьѣ невозможно. Но не могу не упомянуть, что на страницѣ 22-ой есть такіа строки сына объ отцѣ:

„Онъ всегда страшно чутко прислушивался къ смерти и гдѣ могъ ловилъ мельчайшія подробенности того, что переживаютъ умирающіе. Въ его душѣ этотъ рассказъ *) связывался съ памятью его старшаго брата Дмитрія, съ которымъ онъ условился, что тотъ изъ нихъ, кто раньше умретъ, послѣ смерти придетъ и расскажетъ, какъ онъ живетъ „тамъ“. Но Дмитрій Николаевичъ умеръ на 50 лѣтъ раньше отца и не приходилъ къ нему ни разу“.

Но тотъ же Илья Львовичъ Толстой въ той же книгѣ, на страницѣ 229-ой рассказываетъ, какъ незадолго до смерти съ его отцомъ случались нѣсколько разъ обмороки. И вотъ:

„Взойдя однажды послѣ такого обморока въ залу, онъ удивленно оглянулся и спросилъ: а гдѣ же братъ Митенька? (умершій 50 лѣтъ тому назадъ)“.

Значитъ — видѣлъ... Значитъ—хотя и всего одинъ разъ, но Дмитрій Николаевичъ приходилъ.

Въ какой формѣ была эта галлюцинація или явленіе, Левъ Николаевичъ никому не говорилъ, но характерно, что даже сынъ — авторъ, — кончая свою книгу, позабылъ о томъ, что писалъ на страницѣ 22-ой.

Перечислены въ книгѣ Ильи Толстого еще нѣсколько „совпаденій“ изъ жизни его отца, а именно:

„Л. Н. Толстой родился въ 28-омъ году, 28 августа. 28 числа вышла его первая книга „Дѣтство и отрочество“, 28-го родился его первый сынъ, 28-го была первая свадьба одного изъ его сыновей, и, наконецъ, 28 октября онъ ушелъ изъ дому, чтобы никогда больше не вернуться“.

Не чувствуется, что самому Льву Николаевичу—его душѣ—теперь видѣть, чѣмъ намъ, что это такое...

Борис Лазаревскій.

*) О смерти управляющаго Алексѣя Степановича.